

УДК 94:47
ББК 63.3 (2)

P. E. ROMANOV

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ВЗЫСКАНИЯ ЗА НАРУШЕНИЯ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ НОВОСИБИРСКА В ГОДЫ ВОЙНЫ (1941–1945)

Анализируются сферы применения, формы, виды и величина материальных взысканий, накладывавшихся на новосибирских рабочих за нарушения трудовой дисциплины в сфере военно-промышленного производства в первой половине 1940-х гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, промышленные предприятия, рабочие, материальные взыскания.

R. E. ROMANOV

MATERIAL PENALTY FOR VIOLATION OF LABOR DISCIPLINE IN PLANTS OF NOVOSIBIRSK DURING THE WAR YEARS (1941–1945)

Analyzes the scope, forms, types and value of material penalties imposed by the workers at the Novosibirsk for violations of labor discipline in the military-industrial production in the first half of the 1940s.

Keywords: Great Patriotic War, industry, workers, material recovery.

Накануне и в годы Великой Отечественной войны в системе стимулирования производственного персонала советской промышленности возросла роль элементов принуждения, являвшегося одним из универсальных факторов мотивации труда (наряду с вознаграждением и побуждением). Данный аспект истории развития социально-трудовых отношений в СССР первой половины 1940-х гг. широко освещен в новейшей отечественной историографии [8; 9; 13; 14]. Однако принудительные меры государства в этой сфере показаны в исследованиях преимущественно как совокупность судебных репрессий против нарушителей заводской дисциплины. В действительности же помимо уголовного преследования в отношении данного контингента широко использовались также материальные взыскания. В частности, целью исследования является выявление сфер применения, форм, видов и размера подобных санкций в рабочей среде крупных предприятий Новосибирска, ставшего одним из ведущих центров развития военно-промышленного производства в тыловых районах страны.

Следует отметить, что материальные наказания за дисциплинарные проступки получили распространение в отечественной промышленности еще в дореволюционный период. В это время их основной формой являлись денежные штрафы за опоздания, некачественную работу,

нарушения правил внутреннего распорядка. Данные вычеты из заработной платы отличались относительно небольшими размерами, были направлены на профилактику проявлений девиантного поведения трудящихся на предприятиях. В годы гражданской войны и начале НЭПа в условиях падения реального содержания зарплаты материальные взыскания приобрели натуральное выражение: прогульщики и дезертиры «трудового фронта» лишались части или всего продовольственного пайка. В данном случае речь шла об укреплении ослабевшей дисциплины и закреплении квалифицированной рабочей силы на производстве. В первой половине 1920-х гг. в связи с возрождением роли денег в повседневной жизни населения в качестве профилактических мер вновь стали практиковаться удержания из заработной платы. В период ускоренной индустриализации конца 1920-х — первой половины 1930-х гг., наряду с ужесточением штрафных санкций, нацеленным на возмещение нанесенного производству ущерба от технического брака и аварий, нарушители внутривзаводских порядков переводились в низшую категорию рабочего снабжения или вовсе исключались из сферы «нормированного сервиса». С июня 1940 г. сфера действия денежных штрафов была распространена на осужденных народными судами прогульщиков. В целом к началу Великой Отечественной войны на заводах и фабриках СССР сложились разнообразные формы материальных наказаний, жесткость которых существенно возросла по сравнению с дореволюционным периодом и первым советским десятилетием.

Данный опыт применения взысканий материального характера оказался весьма востребованным в военной индустрии Новосибирска, созданной в основном на базе строившихся в городе и эвакуированных предприятий «оборонки» и смежных с ней отраслей — металлургии, машиностроения, химической промышленности. Введение в строй ее крупных производственных объектов сопровождалось увеличением численности промышленных рабочих — с 36,2 тыс. в середине 1941 г. до 97,6 тыс. в 1943 г. [11, с. 413]. Привлечение дополнительных людских ресурсов осуществлялось преимущественно за счет неработающих женщин и молодежи, испытывавших неимоверные трудности при адаптации к индустриальному труду и барачному быту. В этих условиях заводское руководство стремилось задействовать для повышения уровня производственной и технологической дисциплины широкий набор различных рычагов (от моральных до уголовных), включая материальные наказания.

Материальные взыскания с рабочих за нарушения производственной дисциплины. В первой половине 1940-х гг. для борьбы с опозданиями на работу и прогулами на новосибирских заводах, как и во всей советской промышленности, практиковались взыскания как в денежной, так и натуральной форме. В частности, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий

день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» с прогульщikov и приравненных к ним других нарушителей заводской дисциплины, приговоренных к исправительно-трудовым работам (ИТР), во время их отбывания удерживалось до 25% заработной платы [7, с. 637]. В данном случае речь идет о крупном штрафе, который в первый период войны являлся единственным видом материального наказания, назначавшегося по решению районного народного суда. После выхода постановления Совнаркома СССР от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий», наряду с вычетами из зарплаты, из продуктовых карточек осужденных за прогулы трудящихся, относившихся к первой категории снабжения, стали вырезаться талоны на 200 г. хлеба, ко второй категории — на 100 г. [12]. К концу 1942 г. в оборонно-промышленном производстве окончательно сложилась система материальных санкций, нацеленная на профилактику дисциплинарных нарушений в условиях военного времени.

Штрафы за опоздания и прогулы. Выявление абсолютной величины денежных штрафов, выступавших одним из основных рычагов воздействия на прогульщikov, является весьма сложной задачей. Подобное затруднение связано с тем, что в документах предприятий отсутствуют сведения о заработной плате осужденных к ИТР рабочих и соответствующих вычетах из нее. В то же время удержания из зарплаты потенциально касались каждого труженика, попадавшего под действие Указа от 26 июня 1940 г. В данном случае привлечение к уголовной ответственности и взиманию штрафа происходило вследствие опоздания или невыхода на работу, прекращения выполнения производственного задания и ухода из цеха до окончания смены, преждевременного ухода на обед и возвращения в цех после начала смены, недопущения к работе из-за нетрезвого состояния и отказа от ее выполнения. По этим причинам только в январе-мае 1942 г. с заводов и фабрик Новосибирской области в суды поступили уголовные дела на 24,8 тыс. чел. [10, с. 360]. Учитывая массовый характер применения репрессивного законодательства, представляется возможным оценить максимальный размер штрафных санкций за прогул в зависимости от уровня средней оплаты труда и их влияние на материальное положение рабочих.

О величине денежных взысканий с нарушителей производственной дисциплины свидетельствуют расчетные данные по тяжелой промышленности Новосибирска. В 1943 г. заработная плата рабочего в ее отраслях в среднем достигала 567 р., в 1944 г. — 666 р. [11, с. 357]. С учетом удельного размера материальных санкций (до 25% от заработка) максимальные удержания с прогульщिका составляли от 142 до 186,5 р. Эти вычеты, относительно сопоставимые с долей налогов и займов

(в 1943 г. — 27,5% от зарплаты, 1944 г. — 28%), усиливали тенденцию к сокращению реального заработка трудящихся. Так, если законопослушные рабочие получали на руки от 411 до 480 р., то незаконопослушные — от 269 до 313 р. Крупные штрафы за дисциплинарные проступки приводили к потере трети трудового дохода, остававшегося у производственников после выплаты налогов и займов. В конце войны эти потери были эквивалентны стоимости месячного рациона на одного человека в столовых предприятий Наркомата боеприпасов СССР (180–200 р.), то есть являлись достаточно ощутимыми для тружеников тыла.

Уменьшение пайка за опоздания и прогулы. Величина натуральных санкций за опоздание или невыход на работу, введенных в промышленности осенью 1942 г., также являлась весьма существенной. Законопослушный работник, относившийся к первой категории снабжения, получал 800 г. хлеба в сутки, приговоренный к ИТР— 600 г., ко второй категории — соответственно 600 и 500 г. В удельном выражении осужденные прогульщики лишались от одной шестой до четверти хлебного пайка. На крупных предприятиях Новосибирска данный вид материальных наказаний (наряду со штрафом) распространялся на относительно многочисленный контингент трудящихся. Например, в 1944 г. на комбинате № 179 («Сибметаллстрой») Наркомата боеприпасов (НКБ) продовольственными взысканиями были охвачены 2348 чел. или 15% от среднегодовой численности всех рабочих, на заводе № 230 (им. XVI партсъезда) Наркомата станкостроения (НКСС) — 131 чел. или 34,2%. При этом на комбинате нарушители производственной дисциплины распределялись по возрасту следующим образом: до 20 лет — 42,9%, от 20 до 25 лет — 24,5%, от 25 до 40 лет — 9,8%, от 40 лет и старше — 37,1%; по стажу работы на предприятии: до шести месяцев — 68,0%, от шести месяцев до года — 21,3%, от года до двух лет — 11,5%, от двух до трех лет — 8,0%, от трех лет и выше — 5,5% [2, л. 36, 37; л. 9]. Две трети привлеченных к ответственности прогульщиков составляли юноши и девушки в возрасте до 25 лет, проработавшие на «Сибметаллстрое» не более полугода. Данный фактор оказывал влияние на сохранение в рабочей среде большого числа прогулов в условиях применения жестких материальных санкций.

Материальные взыскания с рабочих за нарушения технологической дисциплины. В военное время для борьбы с производственным браком и нарушениями правил эксплуатации оборудования руководством новосибирских заводов использовались взыскания исключительно в денежной форме. В отличие от прогульщиков, с рабочих, изготовивших бракованные изделия или допустивших поломку станков, штрафы взымались во внесудебном порядке. В данном случае действовала статья 68 Кодекса законов о труде РСФСР 1922 г., регламентировавшая условия оплаты некачественной работы и статья 83 — несения имущественной ответственности за нанесенный ущерб предприятию [1, с. 353–354, 360–364].

В случае с нарушениями технологической дисциплины величина материального наказания зависела от степени вины трудящегося и ущерба, нанесенного им предприятию. При отсутствии вины работника в выпуске бракованной продукции заработок выплачивался на две трети, в поломке станка — полностью. Если ответственность за изготовление некачественного изделия ложилась на рабочего, то с него взималась значительная часть причиненных убытков, за вывод из строя оборудования — полная стоимость его ремонта.

Штрафы за производственный брак. О размере штрафов, налагавшихся на бракоделов, можно судить по документам отраслевого профсоюза промышленности боеприпасов, составленным на основе проверок комбината № 179. В первый год войны в силу недостаточного внимания руководства предприятия к проблеме стимулирования высококачественного труда подобные взыскания являлись символическими. В начале 1942 г. согласно отчету Новосибирского обкома профсоюза, на заводе № 2, входившим в состав комбината, общие убытки от изготовления бракованных изделий достигли 9% от себестоимости всей продукции. Однако с виновников их выпуска была удержана сумма, составлявшая лишь 0,06% себестоимости или менее одной сотой части причиненных убытков [4, оп. 1, д. 68, л. 16]. Такое положение было подвергнуто критике со стороны обкома, ориентировавшего трудовой коллектив комбината на активизацию мероприятий по борьбе за качество выпускаемых боеприпасов.

Подобная установка областного профсоюзного руководства в полной мере была выполнена на предприятии к концу 1942 г. Об этом свидетельствуют материалы о проверке производительности труда и заработной платы на комбинате № 179, дающие представление в том числе и об удержаниях за производственный брак. Например, в октябре 1942 г. в одном из цехов комбината 71 рабочий произвел 790 бракованных изделий общей стоимостью 23 337 р. Средний ущерб, нанесенный производству каждым из этих рабочих, достигал 330 р. При этом данный показатель составлял ниже 100 р. у 44,7% бракоделов, от 100 до 500 р. — 31,8%, от 500 до 1000 р. — 13,2%, от 1000 до 1500 р. — 6,6%, от 1500 до 2115 р. — 3,9%. Всего с нарушителей технологической дисциплины предполагалось удержать 13145 р. или 56,3% общей суммы убытков. На момент проверки цеха со стороны функционеров отраслевого профсоюза бракоделами было выплачено уже 10 880 р. (46,6%) [4, оп. 7, д. 190, л. 114]. В частности, размер индивидуального штрафа в среднем достиг 153 р. 24 коп. и приближался к 30% от среднемесячной зарплаты рабочих.

Существенное влияние на рост удельного веса штрафных санкций в зарплате трудящихся комбината оказало введение прогрессивной шкалы штрафования. Например, в 1943–1944 гг. в цехе № 8 его уровень уста-

навливался в зависимости от доли брака в изготовленной продукции — от 0,5 до 10%. С учетом этой шкалы при выпуске партии из 500 изделий на бракодела накладывался штраф от 101 р. 25 к. до 2025 р., 550 изделий — от 111 р. 37 к. до 2027 р., 600 изделий — от 121 р. 50 к. до 2430 р., 650 изделий — от 131 р. 62 к. до 2632 р. 50 к., 700 изделий — от 141 р. 75 к. до 2635 р. При этом заработок за 500 изделий достигал 167 р., а 700 изделий — 233 р. 50 к. [4, оп. 13, д. 74, л. 184]. При изготовлении минимальной партии удержания за некачественную работу составляли от 60,6 до 1212% заработка, максимальной — от 60,4 до 1128%. По мере увеличения брака происходило значительное ужесточение материальных санкций: наибольшие взыскания превышали наименьшие в 18–20 раз.

Применение на практике прогрессивной шкалы штрафования вело к возникновению огромной дифференциации и в размере взысканий на комбинате № 179. Данную ситуацию характеризуют сведения об удержаниях с 18 рабочих и 4 бригадиров, допустивших брак, за март 1944 г. За этот период при заработной плате от 405 до 4115 р. с них было удержано от 41 до 3681 р. В итоге реальный заработок бракоделов составил от 100 до 2006 р. при наличии непогашенного долга от 188 до 4442 р. [7, л. 185]. Минимальная доля штрафа в месячной зарплате составляла 4,5%, максимальная — 82,2%, задолженности перед комбинатом — 9,3 и 319,8%. Эти данные свидетельствуют о том, что бракоделы становились должниками предприятия.

В подобном положении находился относительно широкий круг труженников «Сибметаллстроя». В первом квартале 1944 г. в одном из цехов количество должников составляло не менее 140 чел., в другом — от 52 до 55 чел. При этом их контингент состоял как из низко-, так и высококвалифицированных рабочих. Например, высокую задолженность перед предприятием имели токарь третьего разряда Ивлев (1037 р.), токарь четвертого разряда Вересова (1233 р.), токарь пятого разряда Степанов (2005 р.), сварщик шестого разряда Ремеников (3259 р.) [8, л. 75]. Значительное число бракоделов и наличие у некоторых из них высокой квалификации обуславливалось широкой прослойкой в составе сибметаллстроителей женщин и молодежи, впервые пришедших на производство. Данный фактор заметно снижал эффективность применения жестких материальных санкций в борьбе за качество оборонной продукции.

Штрафы за поломку оборудования и нарушения техники безопасности. Об абсолютном размере материальных наказаний за вывод из строя станкови несоблюдение норм техники безопасности в сфере военно-промышленного производства Новосибирска дают представление документы завода № 230 НКСС. Соответствующая реакция его администрации на происшествия, связанные с поломками оборудования, отражена в отдельных приказах директора предприятия. В частности,

в них устанавливались штрафные санкции в отношении рабочих, нарушивших правила эксплуатации заводской техники.

Информация о конкретных причинах взыскания и величине штрафов содержится в приказах от 12 января, 1, 6, 28 и 10 октября 1943 г. В частности, они накладывались в случае неправильной эксплуатации или небрежного обращения с оборудованием, нарушения производственной дисциплины, приводившим к деформациям его отдельных механизмов и выходу из строя. Например, токарь Студеникин не выполнил распоряжение мастера о смазке станка, в результате чего произошла затяжка гайки винта самохода и поломка одной из шестеренок. Работница Савченко выломала три зуба на реечном вале сверлильного станка из-за того, что своевременно не заменила затупившийся зенкер. Работница Кубрило при выполнении операции по обработке детали оставила станок без присмотра, что вызвало заклинивание шпинделя. Строгальщик Климашевский заснул во время работы и стал виновником поломки станочной коробки передач. Рабочий Ландау из-за неаккуратных действий сломал ручку резцедержателя на револьверном станке. Всего в перечисленных приказах директора завода № 230 были отмечены 12 происшествий, вызванных подобными дисциплинарными проступками трудящихся [3, л. 27, 44, 55, 78, 256].

За нарушения технологической дисциплины, сопровождавшиеся аварийными ситуациями, с рабочими производились удержания с учетом стоимости ремонта оборудования. В данном случае размер штрафов составлял от 40 до 600 р. [3, л. 27, 44, 55, 78, 256]. Поскольку сведения о заработке виновников поломок оборудования в документах отсутствуют, представляется возможным показать удельную величину взысканий по отношению к среднемесячной заработной плате. В 1943 г. на заводе № 230 с учетом зарплаты рабочих, достигавшей 514 р., этот показатель составлял от 7,8 до 116,8%. Приведенные данные также свидетельствуют о наличии значительной дифференциации материальных санкций, распространявшихся на работников, которые должны были понести ответственность за халатное отношение к заводской технике.

Что касается штрафов за нарушения техники безопасности, то сведения об их размере можно обнаружить в одном из майских приказов 1943 г., изданных директором завода № 230. В нем отмечалось, что на предприятии зафиксирован ряд случаев снятия трудящимися защитных средств с оборудования. Например, в инструментальном цехе один из рабочих эксплуатировал заточный станок без щитка наждачного камня. В цехе № 3 две работницы трудились на станках, на которых не были установлены ограждения. При этом цеховые механики и мастера не принимали мер по исправлению данного положения, создававшего почву для роста производственного травматизма. В сложившуюся ситуацию

была вынуждена вмешаться дирекция завода, предоставившая право ответственному за технику безопасности инженеру накладывать на ее нарушителей штрафы в размере 50–100 р. [3, л. 150]. Согласно распоряжению директора от 14 июля 1943 г. данные взыскания были распространены на сварщиков и электромонтажников, не соблюдавших условия безопасного выполнения соответствующих работ. В целом данные штрафные санкции составляли от 9,7 до 19,5% среднемесячной зарплаты рабочих предприятия.

Приведенные примеры отступлений от технологической дисциплины являлись лишь единичными случаями массовых нарушений, приводивших к выходу из строя станочного оборудования и норм техники безопасности. Одним из факторов их массовости являлся характерный для военного времени качественный состав заводских коллективов, негативно влиявший на эффективность применения значительных денежных взысканий.

В годы Великой Отечественной войны руководством крупных предприятий Новосибирска для укрепления трудовой дисциплины рабочих была задействована совокупность материальных взысканий, которая являлась одним из элементов сложившейся в советской промышленности вариативной системы наказаний. Эти санкции применялись с учетом как предшествующего опыта реализации данных мер на заводах и фабриках, так и реалий военного времени. В первой половине 1940-х гг. они были нацелены на создание условий для соблюдения трудящимися режимных и технологических норм оборонно-промышленного производства. Основной формой взысканий в этот период оставались удержания из заработной платы, взымавшиеся в виде крупных штрафов с прогульщиков, бракоделов и виновников выхода из строя заводских мощностей. В случае с прогулами, штрафы сочетались с исправительно-трудовыми работами и вырезкой талонов из хлебных карточек, что было характерно, прежде всего, для военных лет. При этом размер вычетов из заработка варьировался в зависимости от последствий того или иного дисциплинарного проступка для предприятия. За опоздания и прогулы (потери рабочего времени) с работников взыскивалось до четверти зарплаты, за производственный брак (убытки от испорченного материала) и технические аварии (простои мощностей) — суммы, которые должны были компенсировать большую часть материального ущерба. В частности, минимальные штрафы налагались за незначительные поломки оборудования, максимальные — за изготовление большого количества некачественной продукции. В последнем случае удержания нередко превышали ежемесячный трудовой доход рабочих. Однако, несмотря на суровость применяемых наказаний, документы новосибирских предприятий дают представление о наличии многочисленных контингентов нарушителей производственной и технологической дисциплины. Данное

явление обуславливалось тем, что основную массу заводских коллективов составляли женщины и молодежь, ранее не работавшие в промышленности. В этих условиях эффективность материальных взысканий как элемента принуждения к соблюдению дисциплинарных норм являлась относительно невысокой, что обуславливалась низким уровнем адаптации новых кадров к военно-промышленному производству.

Список использованной литературы и источников

1. Андрушин А. Е. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов / А. Е. Андрушин. — М. : Новый хронограф, 2012. — 462 с.
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). — Ф. 11. — Оп. 4а. — Д. 142; Ф. Р-1606. — Оп. 1. — Д. 85.
3. ГАО. — Ф. Р-1606. — Оп. 1. — Д. 64.
4. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. Р-7678.
5. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. — М. : Госполитиздат, 1957. — Т. 2.
6. Маркевич А. М. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на московском заводе «Серп и Молот», 1883–2001 / А. М. Маркевич, А. К. Соколов. — М. : РОССПЭН, 2005. — 368 с.
7. Папков С. А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. / С. А. Папков // Вопросы истории. — 2011. — № 12. — С. 71–80.
8. Оборонная промышленность в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов / Ответственный редактор И. М. Савицкий. — Новосибирск : ОГУ «Государственный архив Новосибирской области», 2005. — 873 с.
9. Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири: Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны / И. М. Савицкий. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. — 449 с.
10. Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. 1917–1953 гг. / И. В. Сталин. — М.: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. — 786 с.
11. Сомов В. А. Трудовое законодательство и мотивация труда в годы Великой Отечественной войны / В. А. Сомов // Историко-экономические исследования. — 2007. — Т. 8. — № 2. — С. 163–174.
12. Тогоева С. И. Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) / С. И. Тогоева // Экономическая история: Обзорение. — Вып. 8. — М., 2002. — С. 39–56.

Информация об авторе

Романов Роман Евгеньевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, сектор истории социально-экономического развития, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: romanov1981@mail.ru.

Author

Romanov Roman Evgenievich — PhD in Historical Sciences, Researcher, Department of History Social and Economic Development, Institut of History Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaev Str., 630090, Novosibirsk, e-mail: romanov1981@mail.ru.